

Анна Богданова

СУХАРЬ

Анна Богданова

Сухарь

Издательство «Четыре»

2025

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Богданова А. А.

Сухарь / А. А. Богданова — Издательство «Четыре», 2025

ISBN 978-5-907949-81-2

Порой, устав от того, что ежедневно происходит в большом беспокойном мире, хочется оказаться в мире маленьком и тихом. Там, где цветут сады, зреют сладкие яблоки, светит солнце. Где в уютных домах расцветают фиалки, варится особенный кофе, без повода печётся пирог, читаются интересные книги, вяжутся пушистые шарфы и варежки. Где брошенные животные обретают крышу над головой и добросердечных хозяев. Персонажи, населяющие эту книгу, так и живут. Прислушиваются к своему сердцу, философствуют, замечают простое-прекрасное, пользуются правом выбора, любят свой возраст и жизнь.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-907949-81-2

© Богданова А. А., 2025
© Издательство «Четыре», 2025

Содержание

Кулёма	6
Натюрморт	11
Медведь	15
Он слишком громко смеялся	18
Вечер летний, вечер тихий	22
Чем пахнет счастье	26
Время покажет	33
Огонёк далёкой звезды	38
Сухарь	40
Моя непредсказуемо очаровательная мама	44
Близкие люди	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Анна Анатольевна Богданова

Сухарь

© А. Богданова, текст, 2025

© Издательство «Четыре», 2025

Кулёма

Для того, чтобы сочувствовать чужим горестям и боли, достаточно быть просто человеком, но для того, чтобы сочувствовать чужому счастью, нужно быть святым. Впрочем, так оно и есть. Лёлька – маленькая святая. Если в каждой женщине дремлет самоотверженная сестра милосердия, то в ней она круглосуточно бодрствует. Я ещё не встречала человека, способного сострадать и сочувствовать так, как она. Будь у неё семья и дети, Лёлька души бы в них не чаяла, любила до самозабвения и была бы лучшей мамашей на свете. Но венчальный колокол если и звонит, то не по ней.

– Просто мне никто не нравится, – говорит она.

И потому все свои лучшие нерастроченные чувства моя подруга обрушивает на братьев наших меньших. Лёлька из тех людей, которые обожают животных, и, знакомясь, всегда спрашивает, как их зовут. Считает своим долгом кого-нибудь спасать, лечить, кормить, пристраивать в добрые руки. Хотела бы я, чтобы кто-то питал ко мне хоть тысячную долю того сострадания, какое она питает к зверушкам. Ни доставленные неудобства, ни материальный ущерб, ни душевные муки в случае их гибели не могут заставить её спрятаться в скорлупу безучастия, надеть маску равнодушия. Правда, однажды она попыталась это сделать, но у неё ничего не вышло, и об этом я расскажу ниже.

Не исключаю, что с её умением сопереживать и сочувствовать моя подруга могла бы стать первоклассным ветеринаром, а благодаря таланту видеть хорошее в людях даже тогда, когда человек сам в себе этого не видит, – востребованным психологом, но она флорист. Цветочная фея. Работает в небольшом магазинчике, обожает цветы и знает о них всё. Живёт в уютном домике, утопающем в душистых зарослях плетистых роз, сажает брокколи, кабачки и фасоль, поливает их дождевой водой. В октябре варит айвовое повидло и одаривает им знакомых старушек. Худошавое создание, довольно милое, но не настолько, чтобы называться безукоризненным совершенством. Хотя некрасивой её никто бы не назвал. Большие печальные глаза, кроткий вид, волосы цвета палой листвы. Любит запах лимона, орхидею Фаленопсис, сливочный пломбир и кота по кличке Бертон. Убеждена, что всё надо делать «как подобает». Порой беззащитная, немного неловкая, но очень добрая, за что я и зову её кулёмой.

Она моя одноклассница и та самая подруга, которая становится сестрой. Мы всегда можем сказать друг другу то, в чём не признались бы никому больше. И хоть сейчас между нами сотни километров, это не повод не общаться.

Как-то раз Лёлька позвонила мне поздно вечером и с тревогой в голосе сообщила о пропаже Бертона. Три дня назад кот вышел из открытого окна во двор и словно растворился в воздухе.

– Подай объявление в газету, – посоветовала я.

– Уже. Я и сама ищу его. По ночам. Просто хожу по улице, когда стихают все звуки, и громко зову. Если он заблудился, то может услышать мой голос и отозваться. Правда, я уже немного охрипла, но это ерунда. Лара, как ты думаешь, Бертон найдётся?

– Пока нет причины в этом сомневаться.

Четыре дня спустя

– Лара, сегодня мне приснился старик.

– Что за старик?

– Он был весь в белом и с седой бородой. В широкополой соломенной шляпе. Ужасно сердитый.

- Он что-то тебе сказал?
- Да. Он сказал: «Хватит орать».
- Что?!
- «Хватит орать, твой кот у меня» – вот что он сказал. Лара, мой Бертон у какого-то старика! Видимо, он его приютил. Что теперь делать? Искать мужчину в белом?
- Кулёма, ты что, ничего не поняла?
- Что не поняла?
- К тебе же Бог приходил. Он хоть и Бог, но тоже человек. Ему по ночам отдыхать нужно, а тут ты: «Бертон! Бертон!» И так каждую ночь. Он хоть и высоко, но облака – не стены, всё там прекрасно слышно. А когда от самого сердца – это вообще сразу в уши, минуя секретарш. Сама же сказала: сердитый был. Я его понимаю.
- Что же мне делать?
- А сама как думаешь? Тебе же ясно сказано: твой кот у него. В царстве Божьем.
- Выходит, Он не только над людьми властен?
- На то Он и Бог. Животные – это же Его творения.
- Я думаю, что моё сердце разорвётся, – всхлипнула Лёлька.
- Иди согрей чайник. Моя бабушка всегда говорила, что для успокоения нервов нужен сладкий чай. Правда, не могу сказать, почему он обязательно должен быть сладкий. А лучше выпей рюмку коньяка за упокой и поплачь. Нужно время, чтобы с этим справиться. Рано или поздно горе утихнет, и ты продолжишь жить дальше. Обнимаю тебя, люблю, кулёмушка моя.

День спустя

- Как ты там? Жива?
- Не знаю. В душе продолжаю надеяться на чудо. Ведь я не видела его тело.
- Может, и к лучшему, что не видела. Это смягчает истину, выдаёт по кусочкам. Дай тебе всю правду разом, так ты и умом тронешься.
- Больше никогда! Никогда! Ни собачек, ни котиков. Они умирают, Ларочка! Это такая боль! Невыносимая боль. Настоящее огромное горе. С этого дня никаких котиков, никаких собачек!
- Зарекалась свинья в лужу не лазить, а медведь мёд не есть. Поживём – увидим. Когда падаешь с коня, нужно время, чтобы снова сесть в седло.

Три месяца спустя

- Лара, ты представляешь, какие-то негодяи подкинули мне во двор котёнка!
- Вот это сюрприз! И что теперь?
- Я всему свету его предложила. Соседям, знакомым, родне. Котёнок никому не нужен. Ни одной живой душе.
- Значит, он нужен тебе, кулёма. В жизни ничего не бывает просто так. И что ты решила?
- Я решила – пусть будет. Но я не буду его любить. Запру своё сердце на десять замков и потеряю ключи. Никаких ласк, никаких эмоций. Как будто это не кот, а тапок, который нужно иногда кормить. И если с ним что-нибудь случится – а это неизбежно, – я не стану горевать.
- Ты сможешь?
- Я постараюсь.
- Ну-ну.
- Не нукай! Я стану чёрствой и безжалостной!
- Но хотя бы имя ты ему дашь?
- Не знаю. Может быть, Венечка?

– Почему Венечка?

– Чтобы не полюбить его. Чувствуешь, как раздражающе звучит – Венечка? Довольно отталкивающее имя.

– Нет, не чувствую.

Всегда безмерно удивлялась, как Бог и в мелочах руководит действиями человека. Всё случается ни раньше, ни позже, но вовремя.

Две недели спустя

– Как вы там? Как ты? Как тапок Венечка?

– Венечка болеет. Что-то вирусное. Вчера ездили к доктору, назначил уколы. Завтра опять повезу.

– Ну вот, а говорила, что станешь чёрствой, как прошлогодний батон.

– Так и есть. Моей прочности нет предела. Я тверда как скала. Равнодушно делаю то, что от меня зависит, ни больше ни меньше. Вожу в переноске. Не разговариваю с ним. Он болен, и я помогаю ему поправиться.

– Несчастное дитя, ему страшно.

– Несчастливым он был, если бы я оставила его на улице. Кот сыт, в тепле и в безопасности.

– Ему любовь нужна.

– Она слишком выбивает из колеи.

Два дня спустя

– Как Венечка? Поправляется?

– Ох, Лара, что вчера было! Я до сих пор в изумлении. Только доктор приготовился поставить Венечке укол, а тот как закричит человеческим голосом: «Мама!» Медсестра чуть в обморок не упала, а доктор побелел и шприц уронил.

– А ты?

– А я как мать-тигрица кинулась спасать своего тигрёнка. Чуть доктора не укусила. Укол ему, конечно, потом сделали, но это же для жизни. Кого я пыталась обмануть, Ларочка, говоря про равнодушие, про тапок? Это невозможно. Невозможно не любить. Невозможно не слышать. Не целовать, не благодарить за его веру в меня. За то, что позвал в минуту отчаяния и страха. Вот и всё. Разлетелись в пух и прах мои обещания, вскрыты замки.

– Любовь?

– Всем сердцем. Я тут плед итальянский недавно купила, из овечьей шерсти, сделаю из него гнёздышко, чтобы Венечке тепло было. И мисочки новые куплю. Фарфоровые. А ещё игрушки...

Кулёма – она и есть кулёма. По-другому не скажешь.

Спустя год

– Как вы там? Как ты? Как Венечка?

– Всё хорошо. Прихожу домой с работы, Вениамин в прихожей встречает. Беру его на ручки. Он меня обнимает лапками за шею, что-то мурчит, и я счастлива. Как он это делает? Глаза у него зелёные, щёки толстые, а сам весь черный, блестящий. Ларочка, ты приезжай к нам. Я буду кормить тебя блинчиками и уткой с маслинами. Испеку твой любимый миндальный торт. По ночам мы будем варить кофе и разговаривать. Приедешь?

– Конечно, приеду.

– Я рада.

Лёлька смеётся, и этот смех окутывает меня счастьем.

Я сохраню этот случай в шкатулке своей памяти для тех дней, когда жизнь будет казаться слишком блёклой. Стану доставать его и любоваться.

Натюрморт

Однажды побывав в этой очаровательной деревушке, я влюбилась в неё всем сердцем и решила остаться здесь навсегда. Небольшие зелёные дворики с подстриженными лужайками; завёрнутые в заросли плетистых роз хорошенькие, словно пряничные домики, уютные коттеджи; витающая в воздухе нежная сладость жасмина и наличие тенистых местечек на улочках, куда путь солнцу преграждала пышная листва раскидистых дубов. Всего час пути из города на личном стареньком авто, и ты дома. Вдали от выхлопных газов, шума, давки, стрессов. И хотя мой дом – всего лишь крошечная съёмная комнатка, это совершенно не влияет на мою влюблённость. Каждое утро просыпаюсь и чувствую, что я счастлива. Даже несмотря на то, что моя квартирная хозяйка Луиза помешана на чистоте и экологии.

Своей причёской, зрелым возрастом, тонким английским юмором и потрясающей выдержкой Луиза напоминает миссис Хадсон с Бейкер-стрит. Она любит возиться на кухне, по любому поводу заваривать чай, повсюду вытирать невидимую пыль, читать рассказы о несурзном, но обаятельном католическом священнике Брауне.

Луиза – тот человек, который никогда не вручает поздравительные открытки лично, даже если адресат – сосед, живущий через дорогу. Она всегда посылает их по почте, считая, что обнаружить красивую открытку в почтовом ящике человеку намного приятнее и радостнее, чем принять её из чьих-то рук. Я – не исключение, хотя и живём мы в одном доме.

Ещё она чрезвычайно гордится картиной одного известного художника, которую унаследовала после смерти отца, водившего дружбу с автором. Натюрморт с овощами в золочёной раме висит на самом видном месте в гостиной и, со слов Луизы, стоит приличных денег.

Плюс ко всему вышесказанному она до предела лаконична в общении. Луиза настолько немногословна, что однажды, более года назад, поссорившись со своей соседкой Оливией, умудрилась не проронить за всё это время в её адрес ни словечка. Ни хорошего, ни плохого. Хотя раньше, как я слышала, они очень дружили. Что послужило причиной ссоры? Всего лишь разница во взглядах на составные какого-то старинного пирога, который две женщины решили испечь вместе на Рождество. Не зря говорят: двум хозяйкам не место на одной кухне. То, что может быть пустяком и мелочью для одной, другой может казаться очень важным. Например, что добавить в тесто: сахарный песок или пудру? Грецкий орех или фундук?

Да, поругаться – простое дело. Сложно вернуть добрые отношения. У каждой ссоры – слишком горький вкус полыни. От него человек чахнет и болеет. И может так случиться, что он захочет всё вернуть, да опоздает.

Максимум, что позволено завести мне в своей комнатке из личного, – это два горшочка с прелестными голубыми фиалками как память о бабушке. Она обожала эти неприхотливые цветы и вилась над своим любимым «садом» каждый вечер, словно голубка над птенцами. Что-то обрезала, рыхлила, мурлыкая под нос доброе и ласковое. Фиалки отвечали взаимностью. Распускали нежные лепесточки, расправляли плюшевые листья-юбочки. Бабушка говорила, что запах фиалки успокаивает нервозность, но не всем дано его почувствовать. Видимо, сама она его чувствовала в полной мере и оттого ни за чем не гналась, никуда не спешила и радовалась каждой минуте жизни. Мне бы так.

Я не думаю, что доставляю моей домовладелице много причин для нервных переживаний, но она их находит и стойко преодолевает.

В начале нынешнего лета Луиза вдруг принялась учить меня отличать сорняки от полезной зелени, изумляя своей невозмутимостью и самообладанием при виде вырванного с корнем её любимого кориандра в моих руках. Хотя, я уверена, она испытывала при этом настоящее огорчение.

– Что ж, – обречённо говорила Луиза, – добавлю беднягу в томатный соус.

Теперь мои воскресные утра заняты пропалыванием грядок и клумб с бородатыми ирисами – любимчиками моей домоправительницы. А вечером я навещаю свою тётушку.

Тётя Эмма – высокая 57-летняя женщина с добрыми глазами, всепонимающая и мудрая. Я души в ней не чаю. Она хозяйка одной маленькой таверны и трёх в меру упитанных чёрных котов. За удивительный ум и безмятежную неспешность котам присвоены имена известных философов: Платон, Сократ и Фома. На шее каждого висит крошечный золотой колокольчик, который чуть слышно динь-динькает при малейшем движении. В основном мелодичный перезвон можно услышать во время завтрака или ужина их флегматичных хозяев, так как в остальное время суток коты предпочитают – я в этом уверена – спать. Но Эмма считает, что между приёмами пищи её питомцы размышляют о вечных вопросах мироздания, а свои зелёные глаза прикрывают лишь для того, чтобы ничто не отвлекало их от этого важного процесса.

Зимой тётушкина по-домашнему уютная таверна славится ароматным наваристым супом с лимоном, оливками и копчёными колбасками. Впрочем, прилагающиеся к нему миниатюрные тающие во рту пирожки с разнообразной начинкой ценятся посетителями не меньше. С приходом же весны здесь отбоя нет от желающих попробовать необыкновенный мармелад из ревеня, который Эмма варит самолично, добавляя корешок имбиря, мяту или цедру апельсина. А ещё здесь готовят чай на все случаи жизни. Для любого настроения. Ежевичный, мандариновый, клубничный... Я люблю согревающий малиновый и столик у окна. Чтобы видеть, как крутятся мир.

Эмма приносит тарелку с ломтиками жаренных в тростниковом сахаре абрикосов, присаживается рядом, и мы говорим обо всём на свете...

Сегодня, прощаясь, я обнимаю тётушку и сообщаю о том, что уезжаю на несколько месяцев в командировку. Прошу передать привет её мужу, большому любителю строить скворечники и наблюдать за жизнью птиц. И покидаю таверну. На крыльце три греющихся в закатных лучах солнца щекастых философа царственным кивком головы позволяют мне почесать их за ухом. Ухожу, прижимая к себе бумажный кулёк с горячими тако.

По пути к дому обгоняю престарелую семейную пару. Обоим за девяносто, представляете? Прогуливаются по улице, крепко держась за руки. Этим показывая миру: мы вместе, и нам не страшно. Мы всегда поддержим и защитим друг друга. Такие пары, наверное, не страдали от измен и горьких унижений? Мысленно желаю им удачи и ускоряю шаг: мне ещё нужно собрать чемодан...

...Возвращаюсь, когда на дворе уже хозяйничает зима. Открывая знакомую калитку и глядя на домик с красной черепичной крышей, понимаю, как сильно скучала. Переступаю порог. В воздухе витают запахи чеснока, зелени, запечённой курицы и чего-то с корицей.

На пустой стене гостиной, где раньше висела картина, пляшут пятнышки света от солнечных лучей.

– Привет, я приехала! Луиза, ты дома? – обеспокоенно зову я. – Луиза!

– Я и в первый раз слышала! – ворчит Луиза, появляясь из гардеробной.

– Что случилось с картиной? Тебя обокрали?

– Глупости какие! Я её продала, чтобы купить пианино.

– Святые угодники! Ты играешь на пианино?

– Не я. Сейчас пообедаем, а потом всё тебе расскажу. У меня курица в сливочном соусе и ячменные булочки с изюмом.

Через час я узнаю историю, потрясшую меня до глубины души.

У нашей соседки Оливии обнаружили опухоль. Злокачественную. Прооперировали. Она и до болезни была худенькой, но из клиники вернулась почти прозрачной и совсем слабенькой. Луиза, забыв старые обиды, окружила подругу заботой и вниманием, но Оливия теряла

желание жить. И более стойкие сдаются у последней черты, разве можно упрекнуть в этом одинокую пожилую женщину?

К счастью, нам всем позволено мечтать. И в один из дней Оливия заговорила о том, что в молодости отлично играла на пианино.

– Как бы мне хотелось напоследок коснуться клавиш, – сказала она. – Музыка всегда служила мне утешением и облегчала страдания. Как ты думаешь, у Бога есть пианино?

При этих словах лицо её озарилось таким мягким, нежным светом, что Луизу осенило: нужно хвататься за эту мечту и не стоит себя сдерживать. Музыка – вот что спасёт подругу.

Да, судьба всего мира не зависит от того, жива Оливия или нет. Но судьба моего мира зависит, подумала она. Лучше быть бедной, но счастливой, чем богатой и несчастной.

Она продала свой знаменитый натюрморт и купила пианино. И это было не просто пианино, а что-то более драгоценное, чем то, что можно купить за деньги.

...Жизнь всегда можно начать заново. Каждый день жить ради чего-то. Уметь бросать вызов судьбе и не думать о том, что скоро умрёшь, даже если тебе вынесли смертный приговор.

Оливия жива и живёт ради музыки. Каждый день поднимается, принимает холодный душ, готовит на завтрак омлет, читает свежую газету, проходит три километра в любую погоду для того, чтобы потом играть на пианино. Играть – чтобы жить. Живёт – чтобы играть. Искусство всегда спасало.

Седая худенькая женщина бережно и ласково касается тонкими пальчиками клавиш инструмента, извлекая волшебные звуки. Иногда она играет и плачет. От чувства радости, от благодарности, от счастья. Но вряд ли замечает это сама.

Её чудесные мелодии поднимают всё лучшее, что есть в моей душе, срывая замки. Трогают сердце. Они – откровение, мудрость и философия. Восход солнца, море, нежность, страсть, любовь. Дыхание Бога. Эликсир для души и тела.

В мире многое меняется, думаю я, слушая игру Оливии, но одно правило остаётся неизменным – не причиняй другим страданий, причиняй добро. Во все времена жизнь держалась и будет держаться лишь на добрых делах.

Медведь

На блошином рынке она, конечно, и раньше бывала, но исключительно в роли зрителя. Заходила время от времени полюбоваться антикварным фарфором. Чайнички, сахарницы, молочники, блюда. Золотые, сверкающие в солнечном свете ободки, ручная роспись, чудные узоры. Изящество, достойное витрин Эрмитажа. От такой красоты радовалась и улыбалась душа. Хотелось бы подержать в руках эту невесомую прелесть, но боялась уронить: с годами приходит мудрость, но никак не ловкость.

Другими маленькими и, что самое главное, бесплатными удовольствиями были прогулки в парке, где росли столетние вязы и до поздней осени цвели прелестные клематисы, и еженедельное посещение библиотеки. Она обожала славные детективные истории Агаты Кристи и Гилберта Честертона. И так она жила и дышала и позволяла себе быть счастливой. Но жизнь – штука непредсказуемая...

Пропал кошелек, а с ним и вся только что полученная небольшая пенсия. Может, украли в метро, а может, сама обронила. Вдвоём с кошкой продержались дней десять благодаря скромным продуктовым запасам. Незначительные сбережения ушли на оплату коммунальных услуг. Остались сахар, заварка и пачка печенья. Постаравшись, она, наверное, смогла бы протянуть на этом до следующей пенсии. Но вот кошка...

Просить у кого-то взаймы? Стыдно и унижительно. Никогда не просила и сейчас не станет. Выкрутится. Например, что-нибудь продаст. Сделает непроницаемое лицо, стиснет губы, как застёжки кошелька, и пойдёт. Ради кошки. Ради себя не пошла бы.

Она внимательно осмотрела свою тесную квартирку. Здесь было всё, с чем она жила и старела. Но всё это имело только личную ценность как память о счастливых и светлых моментах жизни. Малиновая скатерть с кистями, настольная лампа на ажурной керамической ножке, пара венских стульев и даже герань на окне – всё это осталось ещё от матери и было слишком значимо и дорого для души. Тогда, может быть, медведь?

Медведя она купила сама много лет назад. Увидела в магазине среди других игрушек и влюбилась. Потратила на него всю премию, отложив покупку нового пальто до весны. И никогда не жалела. Медведь был чудесного шоколадного цвета из шерстяного плюша. Мягкий и тёплый, с голубым бантом на шее. Он тихо сидел на комод, покрытом ажурной салфеткой, скрашивая своим присутствием её одинокую жизнь. Его можно было обнять, поцеловать в пластмассовый чёрный нос, заглянуть в блестящие круглые глаза, поделиться своими горестями и радостями, что она и делала, пока в её квартиру через открытую форточку не запрыгнула кошка.

Ей как-то сказали, что у неё короткая линия жизни, и она никогда не заводила домашних животных. Кошка, видимо, понятия не имела о недостаточной длине её линий и потому счастливо и безмятежно жила с ней вот уже восемь лет, выслушивая короткие монологи о ценах на крупы и несоответствии погоды официальным прогнозам.

Решение было принято, и на следующий день она уже стояла на том самом блошином рынке, прижимая к себе медведя. Рядом топталась женщина в элегантном сером пальто с чуть пожелтевшим от времени песцовым воротником, с картиной в руках. Может, сама написала, а может, известный художник, чего только люди ни продают. Она в этом не разбиралась.

В воздухе кружились снежинки, дыхание вырывалось изо рта белым морозным паром. Мимо сновали покупатели и просто любопытные прохожие. Некоторые улыбались и, показывая на медведя, говорили:

– Ой, какой хорошенький!

А она всё крепче сжимала его в объятиях, вдруг осознав, что можно и лицо сделать равнодушным, и губы стиснуть, а вот сердце не обманешь и не заставишь молчать. И оно поет и

болит от того, что она хочет продать друга. Беззащитного, молчаливого, верного друга. Ему могут причинить боль, оторвать лапу или ухо. Как она будет жить дальше, зная, что такое может случиться? Он же всё чувствует. Слышит и видит. И он уже, наверное, совсем замёрз. Лучше бы лампу принесла.

Она посадила медведя в сумку, закутав в старый шерстяной платок, оставив снаружи шоколадного цвета голову – так ему будет теплее. Поцеловала в мягкую макушку. Стряхнула

с ушей и носа холодные снежинки. Женщина в сером пальто это заметила, но не подала виду. Заговорила с покупателем, интересующимся картиной. Мужчина достал увесистое портмоне и стал отсчитывать красно-коричневые купюры...

Она отвела глаза и даже отвернулась – что ей чужие деньги? Домой пора. И вдруг услышала:

– Сколько стоит ваш медведь?

Она вздрогнула, обернулась. Это женщина, что продавала картину. Еле разомкнув замёрзшие губы, тихо ответила:

– Простите, он не продаётся.

– Ну и правильно! – Женщина счастливо засмеялась, наклонилась над сумкой, потрепала медведя по плюшевой голове и заспешила к выходу.

Снова пошёл снег. Густой, белый, чистый. На душе, несмотря на пережитые волнения, было светло и легко. Необъяснимое умиротворение и спокойствие заполнили сердце. Войдя в прихожую, сняла пальто и ботинки, расстегнула на сумке молнию.

– Вот мы и дома, мой хороший. Устал? Замёрз? Сейчас согреешься, всё будет хорошо, – приговаривала она.

Аккуратно достав медведя, понесла в комнату, на ходу разматывая старый платок. Что-то упало на пол. Когда разглядела, окружающая действительность расплылась от наворачнувшихся слёз. Это была денежная купюра, дающая возможность спокойно дожить до следующей пенсии. Ей и её кошке.

Он слишком громко смеялся

Иногда она смотрела на него и думала: он слишком громко смеётся. Вовсе необязательно так оглушительно хохотать, не так уж эта шутка и смешна. Достаточно было бы просто улыбнуться. Она осуждающе поджимала губы и переводила взгляд на дюреровского зайца, что висел на стене, как раз напротив кресла, в котором она любила читать «Образы Италии» или «Чарующее безумие». Заяц, как всегда, был грациозен, строг и, в отличие от неё, не испытывал негативных эмоций. Или умело скрывал их.

Так же шумно он пил чай. Неприлично шумно. Как будто один в доме. Но ведь есть я, думала она, и мне неприятно слышать эти звуки. Это швыркание. А он, как назло, очень любил чай. И терпеливо и долго, по всем правилам заваривал его, добавляя пряные травы и бережно укутывая фарфоровый заварник в льняное полотенце. Потом смотрел на часы и говорил:

– Пора.

И пил свой правильный чай, ахая, вздыхая и прихлёбывая из большой кружки. Слишком шумно.

– Есть же чашки, Боря, зачем пить из кружки?

– Вкуснее.

Он разговаривал во сне. Это её бесило и выводило из себя. Она просыпалась, уходила на диван вдвоём с одеялом, плотно закрыв дверь в спальню. Но продолжала прислушиваться к его неразборчивому бормотанию. Приходилось принимать снотворное. Конечно, самое лёгкое, чтобы не навредить здоровью. Утром она принималась пристально разглядывать в зеркале своё лицо: от недосыпания и стресса, как известно, могло наступить преждевременное старение кожи. Но, видимо, благодаря генетике не наступало.

Он не ходил с ней в театр и в филармонию. Говорил, что скучно. Невежа. Разве может быть скучен божественный «Сон в летнюю ночь» Мендельсона? Или концерт для скрипки с оркестром номер два Никколо Паганини? А если в кои-то веки он соглашался сопроводить её, то сидел рядом и маялся. Откровенно. Не пытаясь завуалировать свою маету и скуку. Равнодушно следя за действием на сцене, оставаясь глухим к звучанию скрипки.

Иногда он жарил себе на завтрак яичницу. С салом и луком. Обжаривал на сковородке кусочки сала до хрустящести, лук – до мягкости, разбивал три яйца. Посыпал готовое блюдо молотым перцем и свежей зеленью.

– Отличное начало дня, тру-ля-ля! – напевал он.

Её тошнило. Она говорила:

– Бог ты мой!

Прикрывая одной рукой нос от лишённых изысканности запахов, другой открывала форточку и орошала воздух квартиры «Яблоневым цветом» или «Свежестью дождя». И страдала. От того, что он игнорирует её тыквенный пудинг и полезные гречневые котлеты.

Как меня угораздило выйти за этого необразованного, не разбирающегося в искусстве мужлана, думала она, сидя в уютном дачном домике, построенном этим самым мужланом. Наблюдая из окна за тем, как он, утирая рукавом рубахи потное лицо, вскапывает клумбу для её любимых пионов Дюшес де Немур. Или колет дрова для бани, сложенной его умелыми, привыкшими к физическому труду руками. Баню она любила: горячий пар тонизировал и разглаживал морщинки на лице лучше дорогих кремов.

Так она жила, осуждая и презирая каждый его шаг, каждое действие, каждый вздох. Наблюдая, как время оставляет на нём свои следы. Морщась и мирясь с его шумными чаепитиями, громким смехом и ещё много с чем. Вздыхая, закатывая глаза, поджимая губы, орошая воздух освежителями. Ей казалось, что она ужасно неустроенна, несчастна и одинока. Бедняжка...

Его не стало внезапно, на исходе осени. Слишком неожиданно. Она не успела ничего сделать. Скорая тоже. Последующие события повергли её в самый настоящий шок.

Десятки людей пришли попрощаться с человеком, который был её мужем. Коллеги, соседи, друзья, родня и просто знакомые. Они искренне, со слезами на глазах, говорили о том, каким он был замечательным человеком. Добрым, отзывчивым, умеющим выслушать, поддерживать, дать дельный совет, пошутить. Он и сам заразительно, от всей души смеялся.

На поминках в кафе она не притронулась ни к горячему, ни к салату, лишь пригубила водки. Жадно слушала потрясающие истории о том, кого она много лет презирала. Про его золотые руки, эрудированность, человечность и его жизнелюбие. Слушала и потрясённо молчала...

Она позвонила после девятого дня. Растерянным голосом произнесла:

– Маша, оказывается, он был хорошим.

– Кто?

– Мой муж. Он был хорошим. Я этого не знала. Понимаешь? Он у меня замечательный. Прекрасный. Был... Его все любили. Я не знала. А теперь не знаю, как мне жить с этим. Без него. Совсем не знаю...

...Она навешает его, не забывает. Иначе пропадёт последний смысл жизни. Накрывает столик чистеньким вафельным полотенцем. Аккуратно раскладывает на блюдечке его любимые пирожки с картошкой. Разливает из термоса заваренный и настоящий по всем правилам пряный горячий чай. Себе – в чашку, ему, как он и любил – в кружку. Потом долго наводит порядок, убирает опавшие листья, сметает с надгробия пыль и песчинки, нанесённые ветром, заменяет букет выцветших искусственных тюльпанов на вновь купленный. Уходить не спешит. И всё говорит, говорит...

О своём сиротстве.

О том, как мешает спать ночная тишина. А дневная наводит уныние. Снотворное нынче совсем не помогает.

О том, что давно не была ни в театре, ни в филармонии. Билеты дорогие, и интерес пропал. В конце концов, хорошую музыку можно и дома послушать. И спектакль посмотреть. На соответствующих телеканалах. Бесплатно.

О том, что продала дачу. Добираться туда вечно переполненных электричках не доставляет удовольствия. И баня ей теперь ни к чему, противопоказана врачами. И вообще, что ей одной там делать?

О том, что на днях пожарила яичницу с луком и салом. Сама не знала, зачем. Оказалось, очень вкусно. Остатки с тарелки собирала хлебушком. Вот только «тру-ля-ля» забыла спеть. А когда вспомнила – уже не смогла. Потому что расплакалась. Форточку не открывала.

О том, что не ценила. Не берегла, не любила. Не радовалась, когда был рядом. Не принимала особенности и привычки, на которые сейчас бы закрыла глаза. И даже сочла бы за счастье видеть их и слышать.

О том, что жизнь её угасла вместе с его уходом.

О том, что она неустроена, очень несчастна, одинока, и это ей, к сожалению, уже не кажется...

И снова в моей квартире телефонный звонок. И одни и те же слова:

– Оказывается, он был хорошим...

Год за годом. Двенадцатый пошёл.

Вечер летний, вечер тихий

Жить хочется медленно.

Жить той жизнью, которую сама себе придумала. Намечтала. Той, что придаёт, а не отнимает силы. Той, что улучшает самочувствие, заряжает энергией, гармонией, позитивом. Я называю это медленной жизнью и уверена – не стоит стараться прожить её как можно быстрее.

Жить медленно – приглашение жить. Пропуская через сердце минуты, наполненные удовольствием от того, что в эти моменты делаешь, слышишь, видишь. Бережно строя отношения с окружающим миром. Содержа свой разум в состоянии покоя.

Мне это не трудно. Я с детства тихий, уравновешенный человек. Более думающий, чем говорящий. Никогда не стану рассказывать то, что можно не рассказывать. К трудностям отношусь философски: всё проходит. И стоически: я справлюсь. Сложности – часть жизни, но всё же временны.

Не гонюсь за недостижимым, известностью, успехом, статусом, модным бараклом. Это портит моё настроение и здоровье. Предпочитаю душевный покой, удобство, уверенность в себе, комфорт и домашний уют. Возможность управлять каждым днём и принимать его как чудо. Независимо от того, счастливым он был или с каплей печали. Сегодня он был с малиновым вареньем.

Варю его по рецепту бабушки – с имбирём. Густое, яркое, ароматное, полезное. Чашечка горячего чая с таким вареньем, с любовью и заботой приготовленная близким человеком, – лучшее средство при простуде и недомогании на все времена. Хотя, если честно, лично я ем его, когда совершенно здорова, намазав на ломоть свежего белого хлеба с хрустящей корочкой. И можно без чая.

Готовое и горячее, оно разлито по баночкам, а в доме всё ещё витают пряно-сладкие тягучие ароматы, созвучные, как мне кажется, с Рождеством. Моё воображение, способное расцвести на самой скудной почве, тут же рисует бородатого Санту, ёлку, подарки, рождественские носки над камином, свечи и имбирные пряники. Ничего, что на дворе летний вечер.

Уже вечер. Дневной зной постепенно остывает, незаметно превращаясь в зеленоватые сумерки. Белое выжженное небо голубеет. Любимое время суток. Время для того, чтобы расслабиться, отдохнуть, утомить свою внутреннюю пчелу. Оглянуться на прожитый день, оценить исполненное, порадоваться хорошему, найти себя, заняться собой.

Весь мир по вечерам занят собой. Что-то отправляет в чистку, что-то в ремонт, а что-то в утиль. Обновляется, готовится ко дню грядущему. Придумывает для нас новую погоду, новые радости, страдания, удовольствия, страхи, счастливые случаи и неприятные встречи. Сглаживает разочарования. Обещает стать добрее и красивее.

Именно по вечерам, не утром, я тоже навожу порядок в жизни и в доме. Тоже что-то отправляю в стирку, что-то в мойку и на полочки, а что-то в мусорное ведро. Обещаю себе быть терпимее и мудрее. Шлёпаю, босая, по влажному после мытья полу, довожу до совершенства внутреннее убранство дома. В нём не слишком много вещей, но это те, что владеют моим сердцем. Часть из них – значимые, часть – необходимые, часть – просто милые, согревающие и радующие душу.

Неужели находятся те, кто не любит вечера, думаю я, покидая свою пахнущую Рождеством безукоризненно чистую кухню. Те, у кого вечернее время тянется нестерпимо долго и причиняет душевную боль. Наверное, это слишком одинокие люди, которым не с кем его разделить. Но разве же это повод для отчаяния, продолжаю задаваться вопросами, поднимаясь по лестнице мимо спящего на ступеньке рыжего кота в мансардную комнату. Вечер – это приятная возможность утонуть в интересной книге, посмотреть хороший фильм, позвонить близким или друзьям.

– Заняться любимым хобби, – произношу уже вслух, усаживаясь перед мольбертом.

Я не художник. Просто нравится сочинять картины. На всех моих работах есть дом. На первом плане или на заднем, в зелёных зарослях, вдалеке, в саду, в полях, в лесу, возле речки или озера. Обожаю дома, люблю, разглядываю, интересуюсь их историей. Уверена, у каждого есть душа. Всем сердцем сочувствую старым и одиноким. Потому всегда рисую свет в окне. Или цветы.

Взяв в руки кисть, почти сразу отрешаюсь от внешнего мира, ухожу с головой в работу. Для черепичной крыши выбираю цвет «сангрия» и представляю, как уютно внутри почти готового домика на холсте, как размеренно и счастливо течёт жизнь его обитателей. Из трубы вьётся дымок, значит, в нём тепло. Пахнет кофе и пирогом. Женщина в светлом платье накрывает к ужину стол: расставляет тарелки, нарезает хлеб, домашний сыр. Улыбается. Кошка вьётся у ног, ждёт угощение. В сотейнике на плите томится что-то вкусное с чесноком и травами...

В комнату проникает благоухание флоксов, дивное, с привкусом чуть горьковатой зелени, и мужской смех. Возвращаюсь в мир реальный и подхожу к открытому окну. На золотистом небе, словно стая красно-розовых фламинго, толпятся окрашенные закатным солнцем облака. Внизу мужчина играет с собакой.

Собака – обычная дворянка. Как и все они – верная, любящая, понимающая. Мужчина средних лет, высокий, статный, подтянутый, что позволяют увидеть ладно сидящие на нём черная футболка и шорты из плотного хлопка. Шатен с обычным неприметным лицом. Он не замечает, что кое-кто за ним наблюдает. Отдаёт команды, кидает мяч, смеётся, угощает чем-то вкусным, хвалит, обнимает, бегаёт наперегонки. Веселится, словно ребёнок. Не сдерживая и не пряча чувства радости, восторга и любви.

Собака от внимания хозяина счастлива и от этого подпрыгивает до самого его лица, чтобы поцеловать куда придётся: в нос, щёки, лоб.

Не часто такое увидишь. Обычно дни этого мужчины проходят в трудах и заботах. Без дела сидеть не может. Всё время что-то чинит, строит, пилит, строгаёт. Если не себе, то соседям. В помощи никому не отказывает. Говорят, у него золотые руки.

Он хоть и большой, но очень застенчив и почти не улыбается. Наверно, поэтому люди думают, что он слишком суров и угрюм. Я тоже так считала когда-то. Ровно до того дня, как пропал кот Семён.

...Несколько лет назад мой бывший муж решил, что больше не хочет быть мне мужем, и в одно не совсем прекрасное утро сказал, что уходит.

– Мне очень, очень жаль, но я уже всё решил, – произнёс он, бережно укладывая в сумку новые комплекты постельного белья. – Так случилось. Судьба иногда преподносит сюрпризы. Я влюбился, – добавил муж, пересчитывая серебряные ложечки. – У каждого есть право выбрать другую жизнь и другую женщину. И вот теперь я хочу им воспользоваться. Она интеллигентная, воспитанная, образованная и, в отличие от тебя, не приносит в дом помоечных котов!

– Но, Семён, он же в подвале жил, а не в помойке.

– Это одно и то же! – ответил муж, снимая со стены мой ковёр.

Чёртов любитель интеллигенции.

Сёмушка пропал через неделю. После ухода любопытной соседки, зашедшей оценить степень моего материального ущерба, а вовсе не за солью, обнаружилась незахлопнутая дверь. Набросив на себя что под руку попало, я кинулась на улицу.

Холодный чистый воздух и вечерняя тишина не мешали моим воплям проникать в каждый уголок двора и приоткрытые форточки. В конце концов, распахнулось одно из окон на первом этаже, и показалась лохматая сонная голова, принадлежащая суровому соседу, который на моё «доброе утро» вечно буркал в ответ что-то невразумительное и отводил глаза. До чего же он насупистый, думала при этом я. Мысленно за кудрявый чубчик называла Алёшей Поповичем.

– Что же вы так кричите, девушка? – спросила соседская голова. – Что натворил этот несчастный Семён?

Потом мы вместе спустились в подвал, держась за руки, чтобы не потеряться в темноте, светили фонариком в поисках сбежавшего кота. Когда луч света падал на мышь, я говорила:

– Ой, мамочки!

А сосед мужественно молчал. И тогда вдруг я поняла: мне очень нравится, что такой большой и широкоплечий мужчина держит мою руку, ведёт за собой, освещает путь и совсем не боится мышей. Так бы шла и шла за его спиной. Всю оставшуюся жизнь. Но подвальные катакомбы, к сожалению, закончились. Мы выбрались наружу. И тут на фоне огромной медовой луны увидели чёткий силуэт кота на верхушке липы. Потом оказалось, что это кошка, а не кот. Но было поздно: на куртке соседа зияла дыра, и немного кровоточила рана на щеке.

Через полчаса мужчина немногословно пил чай из моей чашки и ел моё абрикосовое варенье. На щеке белела полоска пластыря. Я латала порванную куртку и горестно вздыхала.

В кухню, неслышно ступая своими рыжими лапами и жмурясь от яркого света, зашёл Семён. Только что проснулся. Всё это время он сладко спал в шкафу на опустевшей после ухода мужа полке. Там было темно, тихо, и приятно пахло «морозной свежестью» от двух оставшихся полотенец. То что надо для спокойного, безмятежного сна.

Первым засмеялся сосед.

Потом я узнала, что зовут его не Алёша Попович и даже не Илья Муромец, а просто Антон.

Он купил себе новую куртку и сделал мне предложение. Я подумала: мужчина, полезший на дерево за чужим котом, пойдёт за своей любимой на край света. И дала согласие стать этой самой любимой. И меня распирает от гордости, что рядом со мной сейчас самый лучший мужчина в мире и что рядом с ним я могу быть самой лучшей женщиной.

Может, кто-то и считает его суровым и слишком серьёзным, но это не так. Он другой. Любящий, сильный, внимательный, заботливый. И он умеет смеяться и быть нежным. Мне кажется, мы знакомы сто лет. Он знает каждую трещинку в моей душе. Он знает каждую мою мысль, прежде чем я успела ее подумать. Он светлый и мудрый. Он лучший друг. Каждый разговор с ним – это откровение из глубин души.

Мы не разделяем одни и те же ценности. Это было бы слишком скучно и однообразно. У каждого свои приоритеты, и мы не испытываем из-за этого чувства вины и относимся к ним с уважением. И всякий раз, когда я вижу своего мужа, моё сердце наполняется такой нежностью, что мне кажется, я сейчас возьму и как дурочка расплачусь. Но вместо этого я расплываюсь в улыбке и нежно целую любимые губы. Вот уже четыре года.

И сейчас, глядя на него в окно, не могу сдержать улыбку.

Антон уводит собаку в вольер, а я закрываю окно, гашу свет и спускаюсь вниз. Мимо Семёна, по-прежнему сладко спящего на ступеньке лестницы – любимое место. Включаю чайник. Прислушиваясь к его сыто-умиротворенному бормотанию, насыпаю в заварник ромашковый чай. Снимаю с полочки горшочек с цветочным мёдом. Выхожу на крыльцо, чтобы встретить мужа. В прихожей на вешалке до боли знакомая куртка с аккуратно заштопанной на боку раной. Здесь, на даче, Антон ходит в ней в лес за грибами, а я пеку потом лоранский грибной пирог.

На дворе стрекотание сверчков и мятная прохлада. Розовые фламинго улетели. На небо неспешно выплывает толстая жёлтая Луна. Проклёвываются первые звёзды. У каждого вечера своя лампа.

Муж приходит с букетиком ромашек. Ставлю цветы в вазу в центр стола. Разливаю чай. На душе легко и спокойно. Кончился долгий рабочий день, но вовсе не хочется, чтобы кончился этот тихий летний вечер. Но всё же приходит ночь.

И перед тем, как отправиться спать, я дарю Богу маленькую благодарную молитву. А Он её принимает.

Чем пахнет счастье

Казалось, эта зима никогда не кончится. Колючий снег без оглядки устремлялся в объятия сурового, тоскливо завывающего ветра, долго кружился вокруг домов непроглядной позёмкой, а потом опадал, засыпая всё вокруг. Устилал землю, крыши, душу, залетал в сны и погружал мир в молчание. Лишь нахохленные вороны громкими хриплыми криками время от времени нарушали студёное безмолвие.

Зима деревне шла. Белые одежды скрывали недостатки, сглаживали неровности и превращали дома в сказочные жилища хоббитов: из сугробов виднелись лишь окошки, двери и печные трубы, из которых струился седой дымок. Жизнь в этом довольно замкнутом маленьком мире всегда текла спокойно и размеренно, а с приходом зимы так и вовсе замирала.

Но чем холоднее и беспросветнее было снаружи, тем уютнее казались свет и тепло в доме Мари.

Иногда, разглядывая морозный узор на окне, она задавалась вопросом, какое же время года ей больше всего нравится? И после некоторых размышлений приходила к выводу, что любит все одинаково. В каждом из них есть своя прелесть, своё величие, неповторимость, свои краски, моменты для безмятежного любования и счастья. И зима в этом смысле ничем не хуже весны или осени. Особенно такая: с огромными снежными шапками на крышах домов, с чудесным Рождеством, с обретённым в душе миром и покоем. И потому Мари была рада жить в месте, где бывает зима.

Она давала ей законное право уединиться в четырёх стенах, погрузиться в атмосферу уюта, тепла, гармонии и любви к тому, что её окружало в этом старом, со вкусом сахара, кофе и книг, доме: такой же старый медный колокольчик над зелёной дверью, изящная козетка в прихожей, печь с потрескивающими в жарком оранжевом пламени ольховыми поленьями, скрип половиц, оживающих в тепле, толстый рыжий кот Август, лимонное деревце и даже живущая в кладовой пожилая мышь Клавдия.

Мари любила окна дома и вид из них. Из того, что в спальне, был виден пруд, в тёплое время года утопающий в желтых ирисах и населённый болтливыми лягушками. Из того, что в кухне, – несколько соседних домов и дорога, уходящая в луга. Из окна гостиной – дворик, где летом она пила чай по утрам.

Мари любила тиканье часов, и потому они были в каждой комнате – либо настенные, либо настольные. Не сказать, что она неустанно следила за течением времени, просто ритмичное тик-так успокаивало, навевало умиротворение и приводило в порядок мысли.

Она любила читать, сидя в старомодном выцветшем кресле, печь шоколадные пряники и пить на ночь глядя тёплое молоко. Обожала свою работу почтальоном и велосипедные прогулки по ромашковым лугам. Радовалась, когда солнце вливалось сквозь окна в комнаты, в этом свете они выглядели ещё уютнее и симпатичнее. Пела, когда хотелось выпустить из души наружу музыку.

В этом доме Мари всегда было комфортно и хорошо. Его обитатели: и мышь, и кот Август, и лимонное деревце – были ей рады и по-своему, как могли, любили. Во всяком случае, жалкой и одинокой она себя не чувствовала. Хотя именно такое впечатление создавалось у окружающих и вызывало нервную обеспокоенность у тётушки Алисии. Странно, что эта обеспокоенность не возникла у неё семнадцать лет назад, когда родители Мари оба разом погибли в горах во время оползня.

Тогда пятилетнюю девочку взяла к себе и воспитала бабушка. Научила готовить, шить, любить всё живое и этот дом. Ненавязчиво, но к месту делилась своей уникальной мудростью и советами.

– Всё, что нужно в жизни, – это прожить её без сожалений, – приговаривала она, выкидывая сгоревший пирог в помойное ведро.

Бабушка никогда не запрещала своей маленькой внучке фантазировать, и Мари, поощряемая её вниманием, с течением времени напридумывала целую кучу историй о добрых жителях сказочного городка. О пекаре, выпекающем вкусный хлеб; о белошвейке, шьющей кружевные платья; о шоколаднице, которая варит густое ароматное лакомство в большом чане, о докторе, излечивающем все болезни полезными леденцами, и ещё о многих-многих других. У бабушки всегда находилось время выслушать внучку, что бы она ни делала. А она всегда что-то делала.

К концу жизни старушка стала быстро слабеть и часто говорила:

– Я устала от своей бесконечности.

Мари каждое утро помогала ей умыться, одеться, кормила, вечером – тоже. Иногда, перед тем как заснуть, бабушка успевала сказать:

– Хорошо, что мир хоть ненадолго может перестать вращаться. Это примиряет меня с чередой неизбежностей.

Она уже не могла выходить за порог дома, но ещё с удовольствием разглядывала заоконный мир. Зимой говорила, что снег – это Божье одеяло, а про лето – благодать Господня.

Перед сном Мари молилась только о здоровье бабушки, но потом подумала и стала благодарить Всевышнего за каждый прожитый рядом с нею день. Это были те самые прекрасные, наполненные любовью дни, за которые она бы не раздумывая отдала несколько лет.

К сожалению, жизнь ни для кого не останавливается. Бабушки не стало больше года назад, но Мари до сих пор не могла это принять. Всё казалось, что вот-вот услышит её голос, шаги, увидит её улыбку и глаза, излучающие любовь, ощутит прикосновение ласковых рук. Печаль требует времени.

Дни Мари, тихие и спокойные, были заполнены работой, домашними хлопотами, шитьём, чтением книг. Она с удовольствием проводила время на кухне, где когда-то, в свои далёкие пять лет, испытала потрясение, узнав, что печенье пекут не эльфы, а бабушки. Здесь Мари готовила, возилась с тестом, изобретала новые рецепты. Летом заваривала земляничный чай, в холодное время варила кофе, добавляя кардамон и разные секреты. Пекла свои фирменные шоколадные пряники, а потом вручала в кулёчке вместе со свежей газетой одиноким старикам и этим согревала и радовала их сердце.

На Рождество, как и все жители деревни, украшала дом, вешала на дверь венок, зажигала свечи, оставляла под ёлкой сладкую морковку для оленей Санты. К утру морковь бесследно исчезала. Мари каждый раз готова была поверить, что угощение съели именно олени, но оставленные на месте кражи продукты жизнедеятельности Клавдии не оставляли на это надежды и портили настроение. Это было единственное незаконное деяние, которое позволяла себе пожилая мышь. Если не считать попыток откупорить бутылку с кунжутным маслом. В кладовой хранилось несколько бутылей с самым различным маслом: горчичное, виноградное, оливковое. Но Клавдию манило неповторимое кунжутное, о чём свидетельствовали царапины на пробке. Во всём остальном мышь соблюдала договорённости о совместном проживании, которые были выдвинуты ещё бабушкой, и довольствовалась горстью пшеницы в день.

Кот Август, то ли принимая участие в данном соглашении, то ли из уважения к возрасту Клавдии, никогда не пытался её съесть. Он вообще никого никогда не убивал. Соответственно, совесть его была кристально чиста, сон безмятежен и крепок, аппетит всем на зависть. Большую часть дня кот проводил на мягком плюшевом диване, время от времени подкрепляясь кусочком-другим постного мяса. Или разбавлял своё ничегонеделанье созерцанием природных красот.

Спокойное течение жизни Мари нарушалось раз в год. Тридцать первого октября тётушка Алисия, живущая в городе, отмечала День ангела, и единственная, хоть и непутёвая, по её мнению, племянница была обязана принимать в святом празднике посильное участие.

Тётушке шёл восьмой десяток лет, и этот факт она тщательно скрывала под свободным чёрным платьем из панбархата, слоем французского крема, пудры и краски для волос. Остальным гостям, сидевшим за щедро накрытым столом, было от семидесяти пяти до девяноста. Кое-кто из них был глуховат, кое-кто подслеповат, некоторые пользовались тростью, а их наряды нередко пахли нафталином. Все они до мельчайших деталей помнили прошлое, много говорили об этом, выслушивали один другого, тут же забывая то, что только что сказали. И без конца клали в свой чай сахар, думая, что ещё не клали. Они пытались создать впечатление, что их любят и что у них много близких и друзей, но выходило это слишком фальшиво и неуверенно, чтобы быть правдой.

Мари заранее заставляла себя примириться с мыслью, что придётся пробыть на этом вечере, что она просто должна это сделать и выдержать, как бы трудно и грустно это ни было. Сидя между тётушкой, благоухающей свежими нотами японской вишни, и каким-нибудь пожилым джентльменом, которому, наверное, было не меньше тысячи лет, она чувствовала себя на этом празднике лишней, тосковала по своему дому и мечтала, чтобы этот вечер поскорее кончился.

К двадцати часам со всеми блюдами меню и тортом обычно было покончено. Уставшие от переизбытка еды, вина и эмоций гости разъезжались по своим тихим пыльным обителям.

Мари убирала со стола и мыла посуду. Алисия протирала фарфор и серебро накрахмаленным полотенцем и аккуратно расставляла на полках, всё непременно по размеру и по цвету. Между делом и с самыми добрыми намерениями информируя непутёвую племянницу о том, что сидящий сегодня справа от неё джентльмен уже четыре года как вдовец.

– Почему ты не выходишь замуж? – Тётушка бесцеремонно вторгалась в личную жизнь Мари.

– Видимо, не хватает времени.

– Ты молодая девушка, а живёшь, как одинокая старая дева. Твоя жизнь безвозвратно проходит мимо.

– Я не одинока. У меня есть кот.

– Боже правый, где твой здравый смысл?

– Не спрашивай об этом у Бога. Ему не до меня. У него есть дела поважнее.

– Больше не говори мне таких вещей! Лучше присмотришь к Эдварду. Современные молодые люди совершенно не умеют строить прочные долгие отношения, а на него всегда можно положиться. Он порядочный и состоятельный человек.

– Этим он меня и раздражает.

– Просто шекспировская трагедия какая-то! Слишком тяжело думать о возвышенном на кухне. Мне надо выпить бренди!

– Ах, тётушка, не в каждой истории нужно искать трагедию, – говорила Мари, открывая шкафчик, в котором Алисия хранила травяные бальзамы на все случаи жизни. Они помогали ей справиться со склерозом, давлением и малокровием, продляли молодость и долголетие. Но когда дело доходило до шекспировских трагедий, бальзамы были бессильны.

– Но даже если они там есть, это не повод так нервничать, – продолжала Мари, доставая с полки хрустальный флакон и десертную серебряную ложечку, которой дозировался бренди. – Пять хватит?

– Семь!

– Пять, и ни ложки более! Достаточно, чтобы справиться с волнением.

– Ты со своим котом выбила меня из колеи.

– Моя бабушка в таких случаях пила имбирный чай с сахаром. Он возвращал ей лёгкость бытия.

– С тобой не поспоришь. Ты сумеешь уговорить и норку отдать свой мех. Хорошо, пять. А лучше шесть.

Мари отсчитывала золотистую жидкость, ставила флакон обратно в шкаф, уводила притихшую тётушку в спальню, укладывала в постель, целовала в напудренную щёку. Оставив гореть ночник, закрывала за собой дверь, наводила в квартире первозданный порядок.

И так каждый год. Менялись только имена «женихов». Мари отшучивалась, но внутри испытывала возмущение.

Каждый человек должен жить сам для себя и только потом выбирать, стоит ли разделять свою жизнь с другими, думала она, отжимая половую тряпку. И уж точно не стоит впускать в неё кого бы то ни было по приказу. Брак с неприятным стариком не избавит от одиночества и не принесёт счастья. Нужно верить в лучшее, не соглашаясь на временное худшее. Если ты чиста перед собственной совестью, то всё остальное будет хорошо. Время рано или поздно всё расставит по местам так, как надо.

Мари верила в существование любви и верности. Что чьи-то искренние чувства, забота и внимание могут помочь пережить неудачи и подарить тепло, способное согреть самой холодной зимней ночью. Пусть это звучит старомодно, но что в этом плохого?

Тётушка пытается подогнать мою жизнь под собственные убеждения, думала Мари, это делает её неприятной и не оправдывает вторжение в душу. Хоть она и родной человек, но я вынуждена держаться от неё подальше, чтобы охранять своё спокойствие, словно дорогое сокровище. Если вдруг Бог слышит мои мысли, то, надеюсь, поймёт и простит.

Неудивительно, что наутро она стремилась как можно скорее покинуть и тётушкину квартиру, и город, и оказаться, наконец, дома, где могла уединиться, просто закрыв за собой дверь, и делать то, что считала нужным.

– Ты улада моих глаз, мистер Август, – говорила Мари, обнимая кота.

Поливала лимонное деревце, насыпала Клавдии зерна, надевала передник и принималась готовить шоколадные пряники с малиновым джемом. На дворе хозяйничала поздняя дождливая осень, навевающая меланхолию, особенно у одиноких стариков.

Завтра она будет разносить газеты и письма и кое-кого подбодрит чудесной выпечкой. Для пожилых жителей деревни Мари всё равно что близкий родственник. Они её ждут и встречают с теплом. Ей открывают душу, делятся печалью и радостью; жалуются на мировую политику, на здоровье, на погоду и кошку, от шерсти которой не стало житья. Старикам не хватает общения, и Мари старается их выслушать и поддержать.

Надеюсь, моё угощение порадует кого-то и заставит улыбнуться, мечтала Мари и сама улыбалась, взбивая яйца...

Хорошо, что на свете всё ещё существуют надёжные и предсказуемые вещи. Жизнь тем и хороша, что кое-что в ней случается независимо от наших возможностей и желаний.

В одно прекрасное утро на вспыхнувшее голубизной небо выкатилось яркое, словно спелый апельсин, солнце. Морозные узоры на окнах растаяли, и все увидели, что пришла весна. Жаркие лучи согрели мир, наполнили удивительной радостью и светом. Стали оживать дворы, сады, живые изгороди и маленькие цветные жилища. Первой зелёной траве обрадовались коровы, овцы, взрослые и дети. Птицы запели о счастье. Деревня, нежная и свежая, купающаяся в солнечных бликах, заблагоухала, словно коробка от чарующих духов.

Дома и домишки, как и подобает, подвергались великой весенней уборке: чистились, мылись, проветривались. Одежда и подушки раскладывались на солнце для просушки, на бельевых верёвках развешивались выстиранные занавески и покрывала.

Мари обожала убираться. Создание порядка и чистоты в доме приносило гармонию в жизнь и отвлекало от порою довольно суровой действительности. Иногда, чтобы почувствовать себя счастливой, ей было достаточно всего лишь помыть пол, передвинуть стол и кресло и позволить тиканью часов расставить по местам мысли.

К обеду комнаты жизнерадостно блистали чистотой и уютом. Оставалось лишь прибраться в бабушкиной спальне. Мари редко сюда заходила, это было слишком больно. Но позволять пыли чувствовать себя здесь хозяйкой всё же не стоило.

Мари протёрла столик, пару ореховых стульев, украшенных резьбой, прикроватную тумбочку. Выдвинула верхний ящик: что в нём? Тетради. Дневники? Неотправленные письма? Рецепты? Она присела на край кровати, открыла одну и стала читать:

«Мистер Льюис, как обычно, в конце рабочего дня протирает прилавок, смахивает невидимые пылинки, оглядывает опустевшие полки. Рождество на носу, и горшочки с мёдом раскупаются как горячие пирожки. Почитай, в каждом доме хозяйки готовят праздничный пудинг, а какой же пудинг без мёда?..»

Мари перелистывает страницы и снова читает:

«Мистер Мэтью просыпается ни свет ни заря, ставит на плиту чайник, наливает молоко для кота, умывается, завтракает и спешит в свою пекарню. Много лет назад пекарем был его дед, потом отец, а теперь он сам живёт ради того, чтобы печь хлеб. Он знает о нём всё...»

Да это же её сказки о добрых жителях волшебного городка! Всё, что она когда-то, в детстве, нафантазировала. Оказывается, бабушка их не только слушала, но, словно прилежная секретарша, ещё и вела записи. Две пухлые тетради милых историй!

– Прелесть какая, – улыбнулась Мари и принялась читать дальше, забыв про пыль и тряпку...

Что, если попробовать? Но вдруг не понравится? Откажут? Не стану ли я объектом для насмешек? Но они такие чудесные! Они не могут не понравиться. Что делать? Как поступить? Страшно так, будто собираешься нырнуть в глубокий холодный омут.

Мари то и дело задавалась этими вопросами. Ей пришла в голову мысль, что бабушкины рукописи могли бы превратиться в прелестную книгу. А если каждую историю дополнить красочной иллюстрацией, она бы стала просто очаровательной. Но не слишком ли это смело с её стороны?

И вот в один тёплый солнечный день Мари, всё ещё полная сомнений и вопросов, покинула издательство детской литературы. Редактор принял её истории на рассмотрение. Теперь нужно набраться терпения и ждать его решения.

Неизвестное будущее вносит в жизнь некоторую долю беспокойства и тревоги, подумала Мари. Но, положив руку на сердце, должна признаться: приятно, когда у тебя есть что-то, чего можешь с нетерпением ждать. Нужно просто уметь управлять ожиданиями, вот что важно. Надеюсь, что за это время я не состарюсь и не умру.

Жизнь – череда различных событий и мгновений. Они неизбежны. Важен результат.

Всё свершилось в не самый счастливый день. Во время утренней прогулки в уже пестреющих разнотравьем лугах Мари засмотрелась на чудную красоту и свалилась с велосипеда.

– Всего лишь ушиб, – сказал доктор, осмотрев распухшую ногу. – Холод и покой! Не меньше недели!

Вот тут-то, будто дождался нужного случая, и позвонил редактор: её волшебные истории принимают в печать, и теперь Мари необходимо встретиться с иллюстратором, чтобы обсудить будущее оформление книги. Ах, вы не можете? У вас нога? Сочувствуем. Может быть, в таком случае вы примете его? Это будет удобно? Прекрасно! Себастьян приедет завтра. Он наш лучший художник.

Назавтра рано утром, заслышав динь-дон медного колокольчика, Мари наскоро взглянула в зеркальце, поправила волосы и поковыляла в прихожую, опираясь на старый бабушкин зонт. Прежде чем открыть дверь, заглянула в глазок: не помешает убедиться, что это не продавцы неработающих пылесосов и не спасители заблудших душ. Покупать она ничего не собиралась, а что до души, то это касалось только её самой и Бога, и больше никого. Стоящий на крыльце молодой человек не был похож ни на тех, ни на других, и Мари распахнула дверь.

– Я купил сыр, хлеб, фруктовый пирог, – радостно произнёс он. – И не отказался бы от завтрака. Ну или хотя бы от чашечки кофе. Я Себастьян.

– Надеюсь, вы умеете готовить? Я Мари.

Час спустя Мари уплетала горячие гречневые блинчики с кружевной хрустящей корочкой по краям, запивая не менее горячим кофе, от души сдобренным молоком и мёдом, уверяя себя и гостя, что ничего вкуснее в жизни не ела.

– Мама научила готовить, – смущаясь, признался мужчина. – Вы сидите, берегите ногу. Я помою посуду, а потом покажу несколько вариантов иллюстраций. Или придумаем новые...

День длился и длился. Несколько чаепитий между рисованием, куриный суп на обед, опять чай, обсуждение того, какой представляет будущую книгу Мари, а какую предлагает художник. Их щёки горели лихорадочным румянцем, их руки соприкасались, лица сближались, глаза встречались. Их окутала пелена, но не мрака, а света и волшебства. Связали невидимые нити.

Не сразу, но чуть позже оба поняли, что эта встреча была вовсе не случайной, а предначертанной свыше. Они были самыми настоящими родственными душами, которым хорошо вместе и не хватает, когда врозь. С этого времени любовь их, нежная и верная, стала крепнуть день ото дня.

Выждав для приличия шесть месяцев, Себастьян сделал Мари предложение. Выждав для приличия пять минут, она ответила:

– Да.

Потому что навряд ли кто-то другой станет хоть иногда готовить ей на завтрак такие вкусные гречневые блинчики.

Предсвадебные дни омрачила кончина Клавдии. Её бездыханное тельце Мари обнаружила в кладовой возле банки со сливовым вареньем. Старая мышь была уложена в бархатную коробочку, горько оплакана и упокоена во дворе под розовым кустом.

– Уйти из этой жизни в возрасте почти трёх лет для мыши не так уж плохо, – попытался утешить рыдающую Мари Себастьян. – Её не съел кот, не прихлопнула мышеловка. Она просто уснула, когда пришло время. Лучше и быть не могло. Не горюй, дорогая. Мы обязательно заведём себе новую мышь.

Два года спустя

На дворе осень. Дни стоят чудесные: терпкие, хрустящие, пьянящие, как рябиновое вино. По ночам деревню окутывает густой, белый, словно молоко, туман.

Буйная зелень стала огненно-оранжевой, листва устилает землю медным ковром. Поистине волшебная пора.

В домике Мари пахнет яблоками. Спелые и сладкие, она нарезает их тонкими ломтиками, укладывает послойно в таз, пересыпает сахаром. Если набраться терпения, дожидаться, когда яблоки дадут сок, добавить ваниль, а потом несколько раз довести всё это до кипения, то получится изумительное варенье. Яблочные дольки станут прозрачными и мягкими, как мармелад.

Холодным зимним вечером, с пшеничной булкой и горячим чаем оно будет восхитительно, думает Мари. Плюс ко всему – это любимое лакомство мужа. Хотя сам он порой утверждает, что больше всего на свете обожает яблочные пироги. Нежные, вкусные, с хрустящей

румяной корочкой, – он готов их есть на завтрак, обед и ужин. Кстати, именно такой пирог уже пора доставать из духовки, пока не сгорел.

Себастьян с минуты на минуту вернётся из города. Почувствовав аппетитные ароматы, он, как всегда, улыбнётся, обнимет Мари и скажет:

– Я знаю, чем пахнет счастье в доме! Оно пахнет пирогами и тобой...

А потом будет тихий, наполненный покоем и негромким счастьем вечер. Долгие разговоры, тёплые объятия, мятный чай, позвякивание ложечек. Небо на горизонте вспыхнет спелым гранатом и потухнет. Но выплывет толстощекая ароматная Луна, искупает своим светом всё вокруг. Замерцают мириады звёзд – окошек, из которых кто-то невероятно любящий нас станет смотреть сверху, слушать и прощать.

Доверяйте своему сердцу, друзья. Оно даёт ответы на все вопросы. Не стоит оправдывать чужие надежды и чужие мечты. И тогда обязательно всё будет хорошо.

Так чем же пахнет ваше счастье?

Время покажет

Каждое утро, закутавшись в просторный халат, первым делом она подходит к окну. Сдвигает в сторону штору. Отросшая после стрижки, ещё недавно изумрудная трава уже становится рыжей и в лучах восходящего солнца отливает медовым золотом. Осень, как и старость, беспощадна. Медленно, но верно обступает со всех сторон, способствует забвению всего, что тревожит, заставляет ценить жизнь, учит отдавать любовь, а не получать. Приносит успокоение, принятие себя и ничего не требует взамен. Пахнет красным вином, рябиновым вареньем и холодными дождями. Иногда, когда Глория хотела, чтобы мир позволил ей желаемый покой, именно вот таким – осенним – он ей и представлялся.

Ещё совсем недавно она любила все времена года, весь мир и мужа. Но год назад завершилась его долгая борьба с онкологией. Болезнь победила. Остались воспоминания. Светлые, добрые, согревающие каждый уголок раненого сердца.

В девятнадцать лет Глория без излишних раздумий согласилась выйти замуж за лучшего мужчину на свете и прожить рядом с ним всю оставшуюся жизнь. Она прекрасно помнит их скромную свадьбу и первое собственное жильё: холодная мрачная комнатка в общежитии, куда сквозь густую крону высокого тополя не пробивался солнечный свет. Но они были молоды, влюблены и сами излучали тепло и свет.

Кровать с провисшей сеткой, две табуретки, стопудовый лакированный шкаф, в котором можно было заблудиться, столик на шатающихся ножках, словно новорожденный телёнок, – вот и вся обстановка. А они чувствовали себя счастливыми с головы до пяток и танцевали, напевая дуэтом модную мелодию.

С течением лет приобрели дом, вырастили сына. Любили путешествовать, фотографировать природу, знакомиться с новыми людьми. Могли улизнуть на выходной в один чудесный тихий городок и целый день гулять босиком по берегу моря, взявшись за руки. А потом поужинать запечёнными креветками в маленьком кафе «Розмари» и уехать домой. Сама Розмари, яркая пышногрудая брюнетка, однажды сбежала, прихватив с собой большой чемодан и мужа соседки, но на качество подаваемых креветок это совершенно не повлияло. Бразды правления кафе согласилась принять её младшая сестра Дебора, приветливая тихая женщина, обожающая своего собственного мужа и двух старых лабрадоров. Счастье у всех разное.

Конечно, семейная жизнь – это не безмятежное существование в Эдеме. Были и горести, и неприятности, и непонимания, которые положить бы в коробку, убрать на дальнюю полку да навсегда забыть. И спорили, и кричали, и стучали кулаком по столу, отстаивая свои точки зрения. Сердились, обижались. Но никогда не произносили слов, за которые потом было бы стыдно. Это спасало. Оскорбить просто, но как с этим жить? Хоть тысячу раз повинись, а из памяти не сотрёшь.

Через несколько дней после похорон, преисполненная гнева на несправедливую и невозполнимую болезненную утрату, она сняла с полки фарфоровую фигурку Святого Николая и спрятала её в ящик комода. А вместе с ней и радость от того, что сама она ещё жива...

Глория заправляет кровать, принимает освежающий душ и не спеша готовит немудрёный завтрак. Были в её жизни другие времена и другие привычки. Она тоже была другая. Проснувшись раньше всех, с удовольствием порхала по кухне, виртуозно управляясь с миксером и кофемолкой, с духовкой и ножом, будто у неё четыре руки. Сейчас уже не порхает. Сидя за столиком у большого окна, выглядит такой одинокой, как будто она единственный житель на затерянной планете.

Что поделать, каждый горюет и выздоравливает в своём собственном темпе. Сын с женой и пара подруг время от времени пытаются её оживить, приглашают в гости и на выставки, но,

положа руку на сердце, приходится понять и принять: у людей теперь нет времени друг для друга.

Глория допивает кофе, моет чашку и выходит в сад, прихватив пакет корма и кувшин со свежей водой. В это время суток сюда заходят две-три бродячие кошки. Сидят на лавке, обняв себя тощими хвостами, ждут угощения, но делают вид, что не голодны. Иногда с ними забредает черный кот, слишком толстый для того, чтобы Глория приняла его за бродягу, но она кормит всех.

Осень уверенно вступает в свои права. Что-то обесцвечивает, что-то, наоборот, перекрашивает, макая кисть то в охру, то в каштан, то в гранат. Прохладный ветер пахнет пленительной нежной сладостью. Пришла пора собрать позднюю сливу: крупные тёмно-фиолетовые плоды, покрытые голубоватым налетом. Они долго не опадают и не гниют, но ночи уже довольно холодные, а слива спелая – нет причины тянуть. Ведро наполняется быстро. Потом она удалит косточки, засыплет сахаром и сварит варенье. Остальное с удовольствием соберут соседи.

Днём ещё довольно тепло, и Глория, пока готовит обед, ненадолго открывает окна: гораздо приятнее слушать радостное общение птиц, чем тягостную тишину. Ближе к вечеру начинает холодать. Снаружи опускается тьма, и уже хочется включить уютный свет, укрыться тёплым одеялом и погрузиться с головой в какую-нибудь книгу, чтобы забыться и притупить боль реальности. День за днём...

В то утро она проснулась раньше обычного. Намного раньше. Не включая свет, подошла к окну. Далеко-далеко, на сереющем небосклоне разливалась алая полоска рассвета. В окнах домов – ни огонька. Глория вздрогнула, заметив ехавшего по дороге велосипедиста. «Куда он в такую рань?» – подумала она. В свете редких уличных фонарей виден лишь силуэт. Но мужчина вдруг остановился, прислонил к дереву велосипед. С узелком в руке подошёл к мусорному баку, размахнулся, ударил им по ржавой стенке, потом ещё раз и бросил внутрь. После чего спокойно уехал в темь, будто его и не было. В соседнем дворе вдруг тоскливо завyla собака.

Она охнула. Сразу поняла, что случилось. Увиденное так ужаснуло, что захотелось снова проснуться и с облегчением понять – это был всего лишь кошмарный сон. Но, к сожалению, Глория не спала. Или к счастью? Время покажет.

– Господи, зачем я это видела? Что же мне делать? – тихо сказала она, хотя ответ уже знала. Не знала только, выдержит ли.

Когда спускалась с крыльца, голос разума, ясный, как день, настойчиво предлагал ей вернуться, но сострадательное сердце влекло вперёд...

Из четырёх щенков один оказался живой. Убитых, обливаясь слезами, похоронила в том же узелочке за домом. Вернувшись, подошла к комоду, достала из ящика фигурку Святого, стёрла пыль, произнесла:

– Ну, здравствуй, Николай Чудотворец. Прости меня за ящик. Видит Бог, сегодня нам нужна твоя помощь.

Бог ли испытывает человека или Природа? Но определённо кто-то из этих двоих. Тот птенца из гнезда выронит, то котёночка слепого подкинет. Или утку хромоногую приведёт за сломанное крыло. Злой в лучшем случае пройдёт молча мимо. А добрый бросит свои неотложные дела, помчится покупать пипетки, молоко и пелёнки, станет заворачивать доверенное тельце в мягкий шерстяной шарфик, баюкать, согревать дыханием, выхаживать, выпестывать, вдыхать жизнь с капельками молока и крошками хлеба. Терпеливо вытирать лужицы, убирать кучки, уговаривать принять лекарство. Станет отдавать всю свою нежность, заботу, тепло души, на которые только способен. И получать в ответ неограниченную, выплескивающуюся через край любовь, удивительную привязанность и неподкупную верность. Это тот самый случай, когда, отдавая, мы обретаем.

Глория тоже вдыхала, баюкала, грела, кормила, закутывала в мягкий шарфик, вытирала лужицы, забывая порой поесть. Благодаря этому беззащитное собачье тельце, умещавшееся на ладони, на втором месяце жизни превратилось в забавного крепыша Арнольда.

– Тебя можно катить, как мяч, – смеялась она, когда щенок после сытного завтрака уходил из кухни, покачиваясь из стороны в сторону. И целовала спящего. И зарывалась носом в мягкую шёрстку, пахнущую парным молоком. Варила полезную кашу с кусочками мяса. Выносила на прогулку. Умилялась цепочке следов на снегу. Разговаривала. Улыбалась. Журила за воровство тапок и распотрошённую диванную подушку. Не замечая, как тает, уходит в прошлое невыносимая грусть.

Как-то, зайдя в лавку зеленщика, Глория услышала разговор двух покупателей, обсуждавших несчастный случай с велосипедистом. Почему-то вспомнила то ужасное утро, неприятно кольнуло в груди. Вспомнила, но тут же подумала: любителей крутить педали в округе полным-полно. Мало ли...

Она расплатилась за пучок петрушки и поспешила вый-ти на свежий воздух. Ей больше по душе случаи счастливые.

В один из дней, стирая влажной тряпочкой невидимые пылинки с плеч Святого Николая, вдруг поняла про себя: она рада тому, что жива. В её сердце вновь поселилась любовь. Или она никуда не уходила? В любом случае – это прекрасно.

Мой Арнольд, с нежностью подумала Глория, похоже, он способен излечить любую хворь!

Говорят, если на кресле тебя ждёт кот, а на тумбочке – книга, ты вернёшься домой сквозь ураганы и потопы. Я с этим согласна, но хочется добавить: а если у вас есть собака, она будет идти рядом. Удивительные создания, не осознающие своей цены. Что бы мы без них делали? Что бы с нами стало? Страшно представить.

Огонёк далёкой звезды

Левая, правая, левая, правая, длинными шагами. Никифор легко скользит по зимнему лесу на старых деревянных лыжах. Снега в этом году – не занимать, каждая ёлочка в белой пушистой шубке, лапки спрятаны в тёплые муфты. Будто знатные дамы с дочками нарядились для выезда в свет. Стоит отвернуться – и упорхнут блистать красотой туда, где музыка, танцы, кавалеры. Никифор идёт неспешно, вокруг поглядывает, много чудесного видит. Вот на ветке берёзы повисла длинная снежная полоска, похожая на шарф. Видимо, ангела спугнули, вот и обронил. Полно их тут. Иногда балуются, стукнут в солнечный день по еловой лапе, где снега побольше, и он слетает вниз золотистой пылью, искрится каждой пылинкой. Красиво.

Или пень, что возле кривой сосны: на голове высокий сугроб, словно поварской колпак, залихватски сдвинут на одно ухо. И не удивишься, если вдруг почувствуешь запах горячих пончиков.

Никифору без леса жизнь не в радость, с закрытыми глазами может вдоль и поперек пройти. Знает, где какой гриб растёт, где крупнее да слаще ягоды, где тропы звериные. Зимой по утрам тут лыжников много. Бегают, как оглашенные, видят ли они эту сказку, красоту такую? Он ближе к вечеру является, когда в лесу уже ни души. И лыжня у него своя, под широкие лыжи.

Только не тихо тут сегодня, не так, как обычно. Где-то впереди подняли крик вороны. Болтушки. Не умеют хранить секреты, как увидят что-то интересное, так и разнесут на весь лес. Никифор ускорил шаг...

У дома дорожки от снега расчищены, крылечко подметёно, возле окна снеговик с черными углями вместо глаз. Не ради личной забавы сделал, ради жены. Нынче почти не встаёт с постели, говорит, сил нет, умирать, мол, пора. Скатал вот бабу ей снежную, чтобы было на что из окна глядеть. Никифор, не раздеваясь, спешит напрямик в спальню.

– Маша, погляди, что я в лесу нашёл!

И достаёт из-за пазухи котёнка.

– Видать, на ёлке от ворон прятался да свалился в сугроб. До утра бы не дожил, замёрз. За что с ним так? Кто? Ведь не с неба же он упал?

Пожилая женщина вдруг улыбнулась, засияли тёмные глаза. Протянула руку, тихо произнесла:

– Может, и с неба...

Холодный розовый носишко уткнулся в тёплую ладонь.

Никифор дрова в печь сложил, бересту поджёт, присел на лавочку. Котёнок по спине на плечо взобрался, нашёл тёплое местечко, улёгся, заурчал довольно возле самого Никифорова уха. Плечо широкое, доброе, места хватает. Котёнок ласковый, сказки рассказывает.

Так с того дня и повелось. Никифор печь растопляет, кот уже на плече. Сидят, на огонь смотрят, молчат. От печки тепло разливается, дрова потрескивают, чайник закипает. Приятно в своём-то доме, среди знакомых вещей, уютно.

А Машенька-то моя оживилась, повеселела, думает Никифор. С котёнком разговаривает, голубит, улыбается. Тимошкой зовёт. На днях чаю из шиповника попросила, а вчера с кровати поднялась. Ножки-ручки тоненькие, как палочки, сама едва не просвечивает, а до стола дошла. Молока чашку выпила и котёнка не обделила.

У Никифора от радости сердцу в груди тесно и петь хочется. А ещё хочется сделать что-нибудь большое, доброе и прекрасное, чтобы всем вокруг тоже стало хорошо...

Два года спустя

Осень выдалась на загляденье. Тёплая, сухая, нежная. Раскрасила яркими красками листья на деревьях – в утешение людям. Красные, рыжие, жёлтые. Ветер дунет, сорвёт – листья порхают и кружатся в воздухе, искрятся на солнце. Они никуда не торопятся, им лишь бы побыть в воздухе подольше, полетать. Пока мороз не дотянулся своими ледяными пальцами.

Днём работы по дому хватает, а вечером – отдых. Маша вторую пару носков вяжет. Первая – для мужа, уже готова. Вторая – для себя. Это хорошо. Значит, к зиме человек готовится, жить планирует. То, что не сказано словами, видно по делам. Если человек тебе дорог, можно и без слов кое-что понимать.

Сегодня вот хлебушко свой испекли, не чета магазинному. Мягкий, духмяный. Намажешь тёплую краюху маслом, оно плавится, стекает янтарной каплей. Вкуснее пирожных.

Перед сном Никифор выходит на крылечко. Все звуки тьмой приглушены, улицы пустые. Тимошка тут как тут. Большой, сытый, шерсть блестит, глаза зелёные. Что за порода? Не важно, лишь бы человек был хороший. Привалится к Никифору тёплым боком, мурлыкает, смотрит в чёрное небо. Туда, где светится крошечный огонёк одной далёкой, но очень знакомой звезды.

Деревня засыпает... И тихо так, что тише быть не может...

Сухарь

Хозяин умер весной. Старый дом оказался никому не нужен, стоял понурый, тоскливо глядя запylёнными окнами на окружающий мир.

Никто не замечал, что иногда, по вечерам, в окне появляется лохматая голова и провожает проходящих мимо людей желтыми грустными глазами.

Домовой всё лето жил в опустевшем доме, скучал, вспоминал своего старенького молчаливого хозяина. Неслышно ходил по комнатам, поправлял плюшевое покрывало на диване, расплетал косички из шёлковых кистей скатерти, которые сам же когда-то и заплёл. Протирал от пыли на зеркале маленькое оконце, смотрелся в него, показывал отражению язык, причёсывал хозяйской расчёской лохматую шевелюру. Пылинки попадали в нос, Домовой чихал в свои маленькие тёплые ладошки и смеялся.

Ночью выходил во двор посмотреть на луну и подышать воздухом, наполненным ароматом трав. Осторожно срывал одуванчик, а потом дул на него изо всех силёнок и, счастливо улыбаясь, смотрел, как ветер уносит вдаль лёгкие пушинки.

Когда становилось совсем одиноко, Домовой забирался по лесенке на чердак. Там пахло старинными книгами и сушёной травой. В свете солнечных лучей, проникающих через маленькое окошко, кружились под неслышимую музыку серебристые пылинки. А ещё там жила пожилая мышь Августина. Наверное, ей было не меньше тысячи лет. Она плохо слышала, носила пенсне и всё время куталась в шерстяную шаль. Была чрезвычайно добра и приветлива, угощала гостя разноцветными леденцами монпансье из жестяной банки и рассказывала интересные истории.

Но больше всего Домового влекла коробка с ёлочными игрушками. Настоящие несметные сокровища! Они переливались, искрились, ослепительно блистали и радовали. Хрустальные домики с заснеженной крышей, ледяные сосульки, яркие шары, пряничные рыбки, золотые жар-птицы. Стекланные бусы, сверкающая мишура, снежинки. Были здесь и очаровательные фигурки из ваты. Домовой осторожно брал в руки хрупкие украшения, долго разглядывал, ахал, улыбался, любовался, а потом осторожно укладывал обратно. Закрывал коробку, про-

щался с Августиной и спускался с чердака вниз, прихватив с собой потрепанную книгу сказок с картинками, чтобы полистать на досуге.

Осенью, когда стало холодать, сметал себе из старого пледа что-то наподобие пальто, обмотал шею толстым колючим шарфом и сидел так на холодной печке. Грыз сахарок, который обнаружил в сахарнице с отбитой ручкой, вспоминал, как хозяин жарко натапливал эту печь зимними вечерами, как приятно булькали в голубой кастрюльке наваристые щи, как вкусно пах свежесваренный чай в большом, с сиреневыми ирисами, чайнике.

Хозяин не завёл себе ни собачку, ни кота, и Домовой сожалел об этом: сейчас бы можно было прижаться к тёплому и живому и пожаловаться на жизнь...

* * *

Эльзу Францевну никто не любил. Бывшая учительница немецкого языка, двадцать лет на пенсии.

– Сухарь, – говорили про неё, и этим всё сказано.

Одинокая, необщительная, ни в гости сходить, ни к себе позвать. Всего и добра от неё – летом цветы. Люди полезное сажают, картошку да капусту, а у этой – цветочки.

Соседи осуждают и посмеиваются, но, проходя мимо зарослей живых роз, любят. Ни у кого больше таких во всей деревне нет.

Сама Эльза за своими красавицами как за детками ухаживает, подкармливает, поливает, от холода укрывает, даже вроде как разговаривает с ними.

Ну конечно, за кем ещё одинокому Сухарю ухаживать, семьи-то не нажила. Больно уж вся из себя важная.

...В начале декабря начались снегопады. То с метелью, то без. В кою пору сугробы выше колена намело. Таким вот холодным да поздним вечером Эльза Францевна возвращалась домой, приехав из города последней электричкой. В сумке кое-какие продукты, отрезки тканей да пряжа для вязания.

Искрился под луной снег, в домах светились жёлтым окна, из печных труб струился дымок. Но были и пустые, нежилые домишки, окна которых уже навряд ли когда-нибудь засветятся или откроются, чтобы впустить тёплый весенний воздух. Люди уезжали поближе к цивилизации. В деревне ни школы, ни больницы.

Три дома вот уже два года пустуют, а весной четвёртый осиротел. Тот, в котором одинокий дед помер. Проходя мимо «сиротки», сочувственно посмотрела на тёмные окна, на холодную трубу в снежной шапке.

И вдруг услышала чей-то слабый плач. Жалобный такой, тоскливый, чуть слышный. У неё, слава богу, со слухом всё в порядке. Соседи, конечно, думают, что глухая, но это от того, что она не обращает внимания на их пересуды за спиной, молча проходит. Всё она прекрасно слышит. И кто-то там, в темноте, действительно плачет.

Сумку на дороге бросила и пошла пробираться по сугробам. Добралась до крыльца, а там – он. Весь несчастный, лицо чумазое, с дорожками от слёз; в большом сером шарфе. Эльза шаль пуховую сняла с головы, завернула маленького и понесла домой.

А дома свет горит, от печи тепло, хлебом пахнет. На столе скатерть цветастая, самовар пыхтит, ложечки в чашках звякают, сахар размешивают. Тёплые румяные плюшки горкой высятся.

А за столом три Домовёнка. Весёлые, в тёплых фланелевых рубашечках, в штанишках с карманами, ножками в шерстяных носочках болтают.

– Ну вот мы и дома, – говорит Эльза, и шаль разматывает. – Сейчас умоемся, чайку горячего с малиновым вареньем выпьем, вот и согреешься. У нас и рубашечки чистые есть, и носочки пуховые. Ножкам тепло будет, мягонько. Я сегодня ещё вон пряжи купила и вельвет на штанишки. Приходится. Люди уезжают, дома остаются...

Эльза Францевна дочитала сказку, поправила яркие лоскутные одеяльца на спящих, одёжку на стульчиках, выключила ночник и вышла из спальни. Удобно устроилась в кресле и начала набирать на спицы петли: к утру будет готова ещё одна пара маленьких пушистых носочков.

...В окно бился холодный ветер, в душе цвели райские сады, в сердце будто плеснули тепла. Но об этом не знала ни единая живая душа.

Моя непредсказуемо очаровательная мама

Город превращается в горсточку огней, а потом совсем исчезает. Теперь вдоль дороги бесконечно длинным пушистым шарфом тянется тёмно-зелёный ельник, а машину наполняет запах лета и тёплой хвои. День медленно переходит в лёгкие сумерки, безмолвно прощаясь с безоблачным небом. Впереди горизонт цвета молока. Холодного и свежего. В душе спокойствие.

Поглядываю на себя в зеркало, поправляю спутанные волосы. Выгляжу заметно уставшей, но это, я уверена, скоро пройдёт. Всего лишь через пару часов и думать забуду о том, от чего сейчас уезжаю. Звуки города, работа, мысли о тщетности бытия остаются позади, потому что впереди три недели отпуска, свободы, новой меня. Потому что я еду домой.

Мама научила меня радоваться дому. Она верит в то, что у домов есть душа, и если это правда – душа нашего светла, как молитва ангела. Люди думают, что они будут счастливы там, где роскошно, красиво и удобно. Они ошибаются. Даже несмотря на тепло и дорогую мебель в доме может быть холодно и пусто. Хорошо лишь там, где любят и ждут. Где каждый тебе рад и счастлив вместе с тобой.

Двадцать лет назад мама увезла себя от мужа, а меня от отца. Из города на краю света. Мы приехали к бабушке с одним чемоданом и тремя платьями на двоих.

- Ты уверена, что не вернёшься? – спросила бабушка.
- Да, – ответила мама.
- Что ж, в море ещё много рыбы, что-нибудь поймается.
- Я сматываю удочки.

Как потом оказалось, мама была уверена в том, что каждому человеку написана на роду только одна великая любовь. Она запретила себе в этом сомневаться, чтобы раз за разом не собирать осколки разбитого сердца.

Людям свойственно искать смысл во всём, что выпадает на их долю, и потому, повзрослев, я спросила её о причине расставания с отцом.

– Просто иногда человек на самом деле может оказаться вовсе не таким, каким ты его себе представляешь, – ответила она. – Его лучшие качества под другим углом зрения становятся худшими.

* * *

Я часто вспоминаю бабушку. В день нашего возвращения она приняла нас в свои объятия и потом уже никогда не бросала. В ней не было ни зависти, ни злости, ни чувства вины. Почувствовав, что сказала что-то не так, она тут же говорила: «Прости». Всегда была бодра, весела, улыбчива. Не стеснялась танцевать, покупала крем для лица, носила красивые платья. Не принимала таблеток, не измеряла давление, ходила только к одному врачу – стоматологу. Это она настояла на покупке загородного дома с участком, а потом осталась там жить. Повсюду сажала цветы, травы и овощи, а осенью сушила яблоки. И это она принялась учить меня готовить настоящую еду, готовить с любовью и вниманием к составляющим мелочам. Несмотря на то, что для этого мне, пятилетней крошке, приходилось стоять на табурете. У бабушки была превосходная коллекция кулинарных книг, и именно по ним я научилась читать. Мы обе были очарованы этими книгами.

– У нас есть свежее сливочное масло, корица и всего одно яйцо. Как ты думаешь, можем мы испечь пряники? – спрашивала она.

Я принималась читать рецепт заварных карамельных пряников, попутно выкладывая на стол необходимые ингредиенты. Бабушка надевала чистый передник и ставила на огонь кастрюлю с сахаром. Его нужно было довести до состояния коричневой карамели, потом добавить пряности, масло, яйцо, просеянную муку. В духовке кусочки теста толстели, выпячивали загорелые пузики, источали пряно-сладкий аромат и не могли дожидаться, когда их искупают в сладком сиропе.

На девяносто втором году жизни бабушка стала слабеть.

– Сначала мы хотим жить до старости, а когда доживём, её же и виним в том, что всё ещё живы, – говорила она.

Маме пришлось уволиться с работы и переехать в дом, чтобы за ней ухаживать. На ту пору я училась на втором курсе института, и мы почти не виделись. Бабушка по-прежнему отказывалась от лекарств, ела как птичка колибри, позволяя организму потихоньку и безболезненно угасать.

– Я всё ближе к небесам, – говорила она.

А мне казалось, что бабушка будет всегда. В шляпке и пёстром платице, с ридикюльчиком на локотке, с добрыми глазами на морщинистом личике. Когда я уезжала, она всегда шла за ворота проводить меня и долго махала вслед рукой. И вдруг оказалось, что её может не быть. И стало до боли пусто. Без её лица, без её строгости и теплоты. Без её любви. Старики нужны нам больше, чем мы думаем.

После похорон, к моему удивлению, мама не захотела покидать дом.

– Это будет непорядочно по отношению к нему, – сказала она.

На дворе в это время хозяйничала поздняя осень. Ветер без устали стучал ставнями, жалобно завывал в печной трубе, а моя непредсказуемо очаровательная мама куталась в пуховую шаль и шерстяные носки.

– Ему будет не хватать женской руки, – добавила она.

– Её всем не хватает, мама.

– Ты можешь приезжать, когда захочешь. Ты это знаешь.

– Знаю. Конечно, знаю.

* * *

После смерти бабушки в свой первый визит в город она отправилась за хлебом и пропала. Вернувшись через два часа с охапкой волшебного пахнущих разноцветных томов, заявила, что побывала в раю. У всех свой рай. Мамин обнаружился внутри огромного книжного магазина.

Она всегда любила книжные миры, которые считала куда интереснее реальности и где чувствовала себя свободнее, чем в своих собственных мыслях. Её нередко можно было застать за сосредоточенным чтением романа после полуночи. Книги утешали, когда ей было грустно, скрадывали одиночество, были её друзьями. Со временем нам пришлось купить книжный шкаф.

Три года назад, летом, в очередной свой визит в город мама нашла кота. Или он её нашёл? Хотя о чём я говорю? Кот был не в том состоянии, чтобы кого-то искать. Он просто лежал в траве и умирал. А мама не смогла пройти мимо. Сострадание – её второе имя.

Я помню, как однажды в феврале она позвонила мне и с восторгом поведала, что поймала бабочку. Это оказалось истинной правдой. В тихий безветренный день солнечные лучи так прогрели стену сарая, что разбудили спящую в щели меж досок обычную крапивницу. Та, недолго думая, расправила крылья и принялась порхать над сугробами, видимо, в поисках цветов и лета. На её счастье, была поймана и потому порхала ещё несколько недель в маминой спальне, подкрепляясь медовой водичкой, а потом умерла. Мама плакала и пила валерьянку.

Чувствовать чужую боль дано далеко не каждому. Иногда думаешь, а надо ли мне оно... когда от своих проблем некуда деться. Но это не про мою маму.

Так вот, о коте. Он висел на маминой руке, словно старая облезлая горжетка.

– Зачем тебе эта грязная тряпка? – спросила я, встретив её в прихожей.

– Это кот. Ещё живой.

Все всегда найдут способ выжить, если он есть. Я давно убедилась – коты в этом списке занимают далеко не последнее место. Через несколько дней наша горжетка впервые смогла поесть самостоятельно, а мама, глядя в окно на двор-колодец, сказала:

– Скучаю по своей деревне. И по дому. Там всё гораздо проще. Сенечке там будет лучше. На следующий день, несмотря на мои уговоры остаться, они уехали.

Сенечка несколько месяцев спал исключительно в обнимку с миской. Потом понял – еда есть всегда. И стал спать где захочет. Расцвёл, растолстел, обрёл статус божества. Несмотря на лишний вес, легко и непринуждённо взлетает на тот самый книжный шкаф аки шестикрылый Серафим, укладывается там в позе сфинкса и глядит на мир сверху вниз золотыми глазами. То ли прощая, то ли осуждая грехи всего человечества.

* * *

Паркую машину во дворе и глушу мотор.

Мама обнимает меня за плечи, словно хочет согреть, сорвать эмоциональные доспехи, которые не позволяли кому бы то ни было задеть меня за живое. В эти минуты я похожа на вылупляющегося из яйца цыплёнка, просто не слышен звук треснувшей скорлупы. Всю жизнь бы так стояла.

В доме пахнет пряностями: маминой фавориткой на кухне всегда была гвоздика.

– Без неё ничего не получится, – уверяет она.

Мы ужинаем возле открытого окна. Главная достопримечательность стола – хлеб. Мама печёт его с прошлого года, вошла во вкус, изучила тонкости и довела этот процесс до совершенства. Серый и белый, с тмином, с изюмом, с чесночным маслом. Воздушный и вкусный. С тонкой, золотистой, хрустящей корочкой. Глядя на него, так и хочется отгрызть краешек.

Горбушка домашнего хлеба, намазанная земляничным вареньем и мой любимый чай с сушёным боярышником, – восхитительное зрелище, изысканное блюдо.

Ах, как мне этого не хватало, думаю я. Дома, мамы, их тепла и любви. Иногда ты понимаешь, чего тебе не хватает, только когда вновь обретаешь и чувствуешь себя от этого невероятно счастливым.

Скрипит калитка, потом тихонько стучатся в дверь. Заходит соседка Лизавета – маленькая, словно гномик, юркая старушка. Принесла козий сыр и творог в благодарность за книги, которые берёт в маминой библиотеке. Ей за восемьдесят, всем на удивление читает запоем. Питает слабость к Агате Кристи. Да, сколько бы нам ни исполнилось лет, нет ничего лучше хорошей книги в руках.

Лизавета снимает свои крошечные тапочки у порога, надевает очки, благостно застыивает у книжного шкафа, выбирает сразу 2–3 книги, складывает в чистую тряпичную сумочку. Пьёт чай из блюдца, макая в него сахарком, поправляет простой белый платочек, рассказывает о несчастном мистере Фортескью, который умудрился съесть мармелад, отравленный горничной. Люблю её, я имею в виду старушку, всем сердцем. За любовь к детективам мы с мамой иногда шутливо называем её «мисс Марпл».

У меня для неё подарок – «Пять поросят». Маме – «Жена башмачника». Потом помечаются.

Небо в розовых царапинах редких облаков, окна домов отражают лучи закатного солнца. Деревню окутывает благодатная мятная прохлада. Воздух густеет, пахнет скошенным лугом, зреющими яблоками. Проводив довольную Лизавету, мы с мамой возвращаемся домой.

– Сегодня не стану поливать грядки, пусть дождик польёт, – говорит она.

Смотрю на почти чистое небо.

– Ты уверена? Я могу полить.

– Лучше посидим пять минут на крылечке да спать пойдём.

И мы сидим на крылечке, прижавшись друг к другу, счастливые, как птички, и молчим. И наше молчание вмещает самые лучшие слова.

Где-то залаяла собака, и опять всё стихло... До утра...

* * *

Меня будят аппетитные запахи. Пахнет корицей, кофе и печёными яблоками. Мне срочно хочется последовать за этим ароматом на кухню.

Над серебряным кофейником, сахарницей и кувшинчиком для сливок пляшут пятна солнечного света. Горка золотистых хрустящих гренок накрыта салфеткой. Открытый яблочный пирог в сахарной пудре нарезан огромными кусками – и попробуй не съешь.

Мама скорее всего на прогулке с Лизаветой, у них каж-дое утро скандинавская ходьба. Зимой – лыжи.

Выхожу во двор. Вымытый ночным дождём мир сияет и переливается. Всё вокруг обрело первозданную ясность и свежесть. Солнце обстреливает лучами всё, что попадает под руку. Воздух полон цветочных ароматов. По лужайке пробирается Сенечка, то и дело брезгливо стряхивая с лап дождевые капли.

Приходит мама. Красивая, счастливая.

– Доброе утро. Ты позавтракала?

– Нет. Позавтракаем вместе. Мам, вот скажи, как ты это делаешь?

– Что я делаю?

– Дождь.

– Обычная магия, – шутит мама.

– Если об этом узнают жители деревни, они тут же потащат тебя на костёр.

– Ты же меня не выдашь?

Мы обе смеёмся. Мама уносит в сарай палки, берёт на руки Сенечку, идёт в дом, но в дверях оборачивается.

– Сейчас приду, – говорю я.

Раскинув руки и закрыв глаза, я стою под солнечными лучами, впитывая их тепло. Чувствуя, как возвращается вкус жизни. По сердцу нежным ветерком проносится приятное чувство осознания полной свободы. Через три недели я уеду в большой город другим человеком. Наполненная душевными беседами, ватрушками, чаем, уютными вечерами, тёплыми объятиями, своей нужностью. Мама станет звонить, спрашивать, как и чем я питаюсь, тепло ли одеваюсь, ношу ли шапку и шарф, не потеряла ли зонт, не устала ли на работе. Я буду слушать, отвечать, улыбаться и мысленно благодарить Бога за то, что она есть.

Я знаю, что достаточно какой-нибудь малости, чтобы вся жизнь перевернулась с ног на голову. Но не боюсь этого. Всегда можно начать жизнь заново. Место, которое люблю всем сердцем и душой, мама и друзья излечат любую хворь.

Я довольна тем, что у меня есть, не ищу сложное, верю в то, что многое можно исправить. Пока мы живы. И пока живы наши близкие. Берегите их. Цените. Обнимайте. Делитесь теплом души своей. Звоните, пишите. Говорите добрые слова и слова любви. Заботьтесь о здоровье.

Мне пора к маме. Она меня ждёт. Это такое счастье!

Близкие люди

– Что ты говоришь? Тебя раздражают твои родные? Их звонки, вопросы, забота? Досаждают сообщения от близкого человека? «Доброе утро!», «Хорошего дня!», «Спокойной ночи!». Смягчи своё сердце, успокойся и прими за счастье. О тебе помнят. Ты кому-то дорог и нужен. И ты в ответ позвони. Или напиши. Всего два-три магических слова. «Люблю», «Как ты?», «Жду». Может быть, этим ты поможешь человеку вдохновиться, преодолеть трудный день. Грусть, неудачу, болезнь, усталость. Или справиться с горьким чувством одиночества. Иногда для этого достаточно всего лишь минуты внимания, улыбки, доброго слова.

Делясь с кем-либо хотя бы толикой бесценного: объятием, вовремя подставленным плечом, теплом понимающих глаз, ты никогда не обеднеешь, ибо всё вернется сторицей. И когда-нибудь тот человек станет уже твоим спасательным кругом и не даст утонуть.

Я расскажу тебе одну небольшую, но потрясшую меня, девятнадцатилетнюю студентку медицинского, до глубины души историю, случившуюся много лет назад. Она о том, сколько терпения и невероятного мужества может подарить чья-то любовь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.